

УДК 167.7
DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-3-117-123
EDN: XDIIJQ
Научная статья / Original article

НЕВЕРИФИЦИРУЕМОЕ-МНОЙ

Г. Райл

Колледж Магдалины, Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания

Перевод с английского

В. В. Оглезнев

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск

В статье представлен анализ понятий 'в принципе верифицируемое' и '(не)верифицируемое-мной'. На основе различия между логической и каузальной возможностью показано, что местоимение 'я' не может быть демонстративным символом, лишенным любых дескриптивных элементов. Это означает, что высказывания о каузально недоступном для меня, но логически возможном опыте являются осмысленными. И поэтому принцип верификации может не предполагать никаких указаний на меня и мой опыт.

Ключевые слова: принцип верификации, логическая возможность, каузальная возможность, чувственный опыт, интроспективный опыт.

Для цитирования: Райл Г. Неверифицируемое-мной = Ryle G. Unverifiability-By-Me / пер. с англ. В. В. Оглезнева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 3. С. 117–123. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-3-117-123. EDN: XDIIJQ.



© Райл Г., Оглезнев В. В., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

UNVERIFIABILITY-BY-ME

G. Ryle

Magdalen College, University of Oxford, Oxford, UK

Translated from English

V. V. Ogleznev

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

The paper presents an analysis of the notions of 'verifiability-in-principle' and '(un)verifiability-by-me'. Based on the distinction between logical and causal possibility, it is shown that the pronoun 'I' is not a demonstrative symbol lacking any descriptive elements. This means that proposition about causally inaccessible to me but logically possible experiences are meaningful. Thus, the verifiability-principle can contain no reference to me and my experiences.

Keywords: verifiability-principle, logical possibility, causal possibility, sensual experience, introspective experience.

For citation: Ryle G. Unverifiability-by-Me / trans. from Engl. V. V. Ogleznev. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 3. P. 117–123. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-3-117-123. EDN: XDIIJQ.



© Ryle G., Ogleznev V. V., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Понятие 'в принципе верифицируемый'¹, которое, как я полагаю, идентично кантовскому понятию возможного опыта, до сих пор остается непроясненным. Что означает утверждение, что у меня есть либо мог бы быть чувственный или интроспективный опыт, который позволил бы мне верифицировать или фальсифицировать предложение 'Нечто обладает свойством ф'? Или что означает утверждение, что некоторый конкретный опыт или какой-либо опыт определенного рода для меня возможен или невозможен?

Принцип верифицируемости, в котором, как мне кажется, есть проблема, иногда формулируется с помощью фразы 'значением высказывания является метод его верификации'. Эта формулировка неудачна, потому что (1) высказывания не *обладают* значением; (2) неясно, к чему относится слово 'его'; (3) выражение 'способ верификации' является слишком расплывчатым.

Я же предлагаю следующую формулировку: 'Значение предложения (не являющегося тавтологией) заключено в том факте, что у меня могли бы быть какие-то определенного рода конкретные ощущения. Я могу верифицировать данное предложение, когда такие ощущения у меня есть. Я его понимаю, если осознаю, что мог бы ими обладать. Предложение (не являющееся тавтологией) бессмысленно, если или поскольку оно не подразумевает возможность того, что эти определенного рода ощущения у меня есть'.

О том, что обозначенная проблема осталась нерешенной, свидетельствуют следующие факты: (1) правдоподобная интерпретация принципа влечет за собой то, что утверждение о событиях прошлого, произошедших до моего рождения, свидетелем которых я быть не могу, должно считаться бессмысленным; (2) она же или какая-то тесно с ней связанная интерпретация подразумевает, что бессмысленным должно считаться и мое утверждение о том, что у меня есть чувственные или интроспективные ощущения, которые не являются моими. Например, утверждение 'Он зол, как и я' должно быть признано бессмысленным. В такой интерпретации 'Он зол' должно означать 'Он проявляет такие-то и такие-то симптомы гнева, которые я наблюдаю или могу наблюдать'. Поэтому нельзя, не впадая в противоречие, утверждать, что 'Он зол, но не проявляет симптомов гнева' или 'Он проявляет симптомы гнева, но не зол'. Между тем 'Я зол' не означает то же, что и 'Я проявляю симптомы гнева', и, если оба эти утверждения являются истинными, их связь носит лишь синтетический характер. Иными словами, когда я применяю слово 'злой' к себе, оно означает интроспективную эмоцию, когда я применяю его в отношении других людей, оно описывает только наблюдаемые мной проявления — покраснение лица, гримасы, учащенное сердцебиение и т.д. Аналогичным образом, утверждение 'Битва произошла в 1815 году' должно означать 'Я мог бы обнаружить останки, свидетельства, хроники и тому подобное'.

Этот взгляд парадоксален. И хотя это не доказывает его ложность, он вызывает обоснованные сомнения. В обыденной речи мы исходим из того, что 'Он зол' означает то же, что и 'Я зол'. Человек, как талантливый актер, может искусно симулировать все или почти все вышеуказанные проявления гнева, не испытывая его, или, наоборот, он может злиться, но этого не показывать. Даже если он не способен контролировать частоту своего пульса, она связана с гневом так же, как гром с молнией.

Эта связь каузальная и синтетическая, а не аналитическая или семантическая. Аналогичным образом, в своей обыденной речи мы считаем, что утверждение 'Солнечное затмение произошло за тысячу лет до моего рождения' означает то же, что и 'Солнечное затмение произошло в день моего десятилетия'.

Тем не менее мы должны признать, что утверждения 'Я помню события, произошедшие до моего рождения' или 'Я интроспективно вижу, что кто-то другой, а не я, испытывает гнев' абсурдны. Причем невозможность для меня быть свидетелем событий до XX века или гнева другого человека — это не просто практическое ограничение (в отличие, скажем, от того, что Галилей не мог видеть некоторые астрономические объекты, которые легко можем видеть мы через современные телескопы). Никакое техническое или анатомическое усовершенствование не сделает такие наблюдения возможными. Предположение, что я помню события до моего рождения, бессмысленно, как и предположение, что мои интроспективные состояния сознания не мои. И хотя я в принципе никак не могу верифицировать утверждение 'Некоторые интроспектибилии [introspectibilia] не являются моими', из признания этого факта не следует самоочевидность солипсизма, как результата признания бессмысленности этого утверждения.

Проблема, как мне кажется, имеет двойную природу. (1) Понятия 'мог бы', 'возможно', 'может быть', предполагаемые понятиями 'верифицируемый' и 'возможный опыт', остаются недостаточно проясненными. (2) Понятия 'я', 'ты', 'он' и т.д. также нуждаются в прояснении.

Общеизвестно, что понятие 'возможность' охватывает две совершенно разные вещи: 'логическую возможность' и 'каузальную возможность'. Например, логически возможно, что я могу увидеть горы на обратной стороне Луны (если они там есть), но в данный момент это каузально невозможно. Такая задача на практике невыполнима, но само ее предположение не является бессмысленным. Практическую невыполнимость выражает утверждение 'Я не могу поднять этот камень'. Но оно даже не имело бы никакого смысла, если бы сама возможность такого действия считалась бессмысленной, подобно тому, как бессмысленным было бы сказать: 'Ухвати себя за тень'. В противном случае каузальные законы оказались бы аналитическими, тавтологичными и познаваемыми исключительно разумом.

Однако между логической и каузальной возможностью есть одна важная аналогия (а также между невозможностью и необходимостью). Единичное или частное утверждение о возможности (невозможности или необходимости) влечет общее утверждение. На самом деле оно представляет собой совместное утверждение верифицируемой гипотезы и одного или нескольких фактических [instantial] высказываний.

Я полагаю, что утверждать, что нечто логически возможно, означает утверждать, что оно совместимо с чем-то другим. Иными словами, если х обладает свойством ф, из этого не следует, что он не обладает свойством ψ, то есть 'Нечто, обладающее ф, (логически) может обладать ψ'. Следовательно, когда я утверждаю 'Это (логически) могло бы быть ψ', я имею в виду 'Это, в качестве ф, могло бы быть ψ', то есть из того, что нечто является ф, не следует, что оно является не ψ, а ф. Утверждать, что нечто каузально возможно, значит утверждать,

что 'Все, что обладает ϕ , обладает ψ ' (где речь идет не о логическом следовании, а о каузальном законе) ложно. Например, фраза 'Человек может улыбаться и при этом быть злодеем' опровергает каузальный закон 'Злодеи никогда не улыбаются'. Единичное или частное каузальное высказывание, например, 'Эта доза мышьяка оказалась смертельной для Джонса', если оно истинно, подразумевает, что люди (или люди определенной конституции), которые примут такую-то дозу мышьяка, умрут, и обеспечивает каузальный закон конкретным фактом, что Джонс был таким-то человеком, который принял такую-то дозу мышьяка. (Но это еще не все.) Соответственно, единичное или частное высказывание о каузальной возможности представляет собой утверждение, состоящее из отрицания каузального закона и одного или нескольких фактов.

В данный момент я не вижу другой трактовки высказываний о возможности. Чтобы прояснить ситуацию, я утверждаю, что предложение вида 'Это может быть так-то и так-то' не является ни истинным, ни ложным, если его нельзя развернуть в форму 'Это в качестве того-то и того-то может быть тем-то и тем-то'. Здесь фраза 'в качестве того-то и того-то' обозначает предпосылку гипотетического высказывания. Иными словами, используя неправильный язык 'логически собственных имен', если 'N' есть логически собственное имя, выражение 'То-то и то-то возможно или невозможно для N' может не быть бессмысленным, только если к N явным или неявным образом добавляется дескрипция (например, 'руководитель' или 'клочок бумаги'). Ведь мы не можем сказать, что само по себе N совместимо или несовместимо с чем бы то ни было. Мы увидим, что само основание, позволяющее мне сказать 'Я могу сделать то-то и то-то' или 'То-то и то-то для меня невозможно', заключается в том, что 'я' или 'для меня' *при таком употреблении* не являются в чистом виде логически собственными именами. Связь этих рассуждений с проблемой 'неверифицируемого-мной', надеюсь, очевидна.

Теперь рассмотрим случаи, в которых происходит смешение логической и каузальной возможности. Утверждение 'Этот столбик можно сбить шаром для боулинга' является (истинным или ложным) утверждением о практической осуществимости. Тогда как утверждение 'Эту кеглю можно сбить шаром для боулинга' является аналитическим высказыванием: ведь если бы кеглю нельзя было сбить таким шаром, она не была бы кеглей. Такая особая каузальная возможность, или 'сила' (как назвал ее Локк²), является частью самого понятия кегли. Однако утверждение 'Этот брусок является кеглей, а значит его, *inter alia*, можно сбить шаром для боулинга', — синтетическое высказывание.

Я хочу показать, если получится, что логическая невозможность проверки мной определенных типов высказываний аналогична логической невозможности существования кегли, которую нельзя сбить, а именно — что логическая невозможность в подобного рода случаях проистекает из того, что определенные каузальные 'силы' уже заложены в само понятие того, к чему применяют выражение 'логически невозможно'. Кроме того, поскольку утверждение 'Кегли сбиваются шарами для боулинга' является аналитическим высказыванием, ведь в определение данных предметов входит понятие каузальной силы, и поскольку ни одно каузальное высказывание само по себе не является аналити-

ческим или логически необходимым, предшествующее ему утверждение 'существуют или могут существовать кегли' подразумевает, что могут существовать и столбики, которые каузально нельзя сбить шарами.

Я хочу доказать, что по аналогии с приведенными выше рассуждениями утверждение 'Я интроспективно воспринимаю только свои ощущения' является аналитическим, но при этом косвенно *погрязает*, что имеет смысл сказать: 'Существуют интроспективно воспринимаемые ощущения, которые находятся не во мне и, следовательно, мной интроспективно не воспринимаемы'.

Рассмотрим сначала высказывание 'Я, будучи слепым, не могу видеть'. Это аналитическое высказывание. Хотя само понятие 'слепоты' имеет каузальный характер. Например, 'Я не могу видеть, потому что у меня катаракта на обоих глазах' выражает каузальную гипотезу. Утверждение 'Я ослеп' оказалось бы бессмысленным в случае, если бы не имело смысла утверждение 'Существует такое явление, как зрение, и я являюсь тем, кому (логически или каузально) способность видеть могла бы принадлежать'. (Мы ведь не называем слепым ни экватор, ни дуб.) Однако, разумеется, оба высказывания 'У меня катаракта' и 'Я не могу видеть' являются синтетическими.

Теперь рассмотрим высказывание 'Я, родившийся в 1900 году, не мог быть свидетелем битвы при Ватерлоо, которая произошла в 1815 году'. Если исходить из того, что я не существовал до своего рождения (точку зрения сторонников переселения душ в расчет не принимаем), то аналитически верно, что человек, вроде меня, родившийся в 1900 году, не мог быть свидетелем событий 1815 года. Однако то, что я родился именно в 1900 году, а не в 1800 году, — это уже синтетическое высказывание. Ведь я мог бы быть своего рода Рипом ван Винклем³. Кроме того, синтетическим является и высказывание, что непосредственное зрительное восприятие события не может долго сохраняться после увиденного. (Я могу, например, учуять запахи лисы спустя некоторое время после ее ухода, но вряд ли спустя целый век.)

Следовательно, когда кто-то говорит: 'Я не мог быть свидетелем события вековой давности', — стоит задать ему вопрос 'Почему?'. Если он отвечает 'Ну, ты же знаешь, мне всего 36 лет', то предполагает ли он при этом, что возраст является частью значения местоимения 'я'? Если это так, тогда высказывание 'Никто не может быть свидетелем события и при этом долгого времени, и я (родившийся в 1900) появился на свет после битвы при Ватерлоо (1815)' является аналитическим.

(То, что личные местоимения *могут* обозначать важные материальные факты, подтверждается тем, что 'он' или 'она' указывает на пол, а королевское 'мы' — на особый статус.)

Но если, что более вероятно, он говорит: 'Я не мог наблюдать битву при Ватерлоо, потому что я начал воспринимать мир только в XX веке', тогда ничто не мешает мне возразить 'Ах, но ведь ты просто позабыл, что тебя зовут Рип ван Винкль. Ты был там!'. Он может сказать, что это исторически ложное высказывание, но это вовсе не значит, что оно бессмысленное. Или же он может сослаться на общеизвестные факты о старении и, например, сказать, что если бы он был там, то его волосы сейчас были бы седыми, или заявить, что он не мог бы за-

быть это событие. Но все это каузальные высказывания, которые лишь подтверждают осмысленность самой гипотезы.

Можно легко представить такую языковую практику, когда я добавляю новый суффикс к личному местоимению с каждым днем своего рождения. Например, между 19 августа 1936 и 19 августа 1937 я бы называл себя 'я-бо', подразумевая под этим 'я', которому сейчас 36 лет'. Тогда утверждение 'Я-бо мог бы быть свидетелем событий 1815 года' было бы противоречием. Однако высказывание 'Я-бо существую' было бы синтетическим. Теперь мы можем сформулировать проблему так. Когда я говорю: 'Я не мог быть свидетелем событий 1815 года', — это означает либо 'Я-бо не мог быть свидетелем тех событий', либо 'Я не мог, потому что, насколько мне известно, тогда я еще не родился'. Оба варианта подразумевают, что можно осмысленно говорить о событиях, свидетелем которых я не мог быть. Первый вариант основывается на каузальном законе, согласно которому зрительное восприятие практически синхронно с наблюдаемыми событиями, а также на двух исторических фактах: я начал видеть в 1900 году, а битва при Ватерлоо произошла почти за век до этого. Второй вариант представляет собой аналитическое высказывание, где сам факт того, что я родился относительно недавно, является частью значения личного местоимения 'я-бо'. Однако высказывание 'Я-бо существую', то есть что я родился в 1900 году, аналитическим не является. (Сравните с примером: 'Она не могла бы стать директором школы'. Это аналитическое высказывание⁴. Но 'Джонс — женщина' является синтетическим. И хотя 'Джонс имеет право стать директором школы' является осмысленным высказыванием, 'Джонс, будучи женщиной, имеет право стать директором школы' таковым не является.) Таким образом, я не удовлетворяю, с точки зрения истории, условиям каузальной возможности быть свидетелем битвы при Ватерлоо, а 'я-бо' не удовлетворяет им по определению. Но оба эти высказывания подразумевают, что сама гипотеза о наличии наблюдателя, удовлетворяющего этим условиям, является осмысленной.

Когда мы говорим, что нечто существовало или произошло, это может означать или подразумевать, что, если бы кто-то с такими-то органами чувств и интеллектуальными способностями находился бы в нужном месте в нужное время, он бы увидел, услышал, почувствовал или иным образом воспринял бы то-то и то-то. Но вопрос 'Являлся ли я таким наблюдателем?' — это лишь вопрос исторического факта. Вопрос 'Мог ли я быть таким наблюдателем?' в большинстве случаев излишен, а в некоторых — просто бессмыслен. Он излишен, потому что то, что такой наблюдатель, будучи свидетелем неких событий, он был бы им независимо от того, наблюдал ли их я или кто-либо другой. Он бессмыслен, если предположение о том, что я являюсь таким наблюдателем, содержит противоречие. Например, если понятие 'человек, рожденный обычным образом' является частью значения местоимения 'я', то предположение, что я мог бы быть свидетелем рождения своего деда, будет противоречием. Тогда как предположение о том, что кто-то другой, не связанный со мной родственными связями, мог бы быть свидетелем этого события, не содержит подобного противоречия. Хотя факт того, что этот человек родился до наступления этого события, еще необходимо исторически подтвердить. При этом,

чтобы утверждение, что у меня есть дед, который родился в таком-то году, было осмысленным, вовсе не требует, чтобы кто-то конкретный засвидетельствовал его рождение. Достаточно того, что, если бы существовал наблюдатель, правильно расположенный в нужном месте в нужное время и обладающий необходимыми навыками, который мог бы засвидетельствовать этот факт. Это можно назвать 'принципом верифицируемости любым возможным наблюдателем [verifier]'. Мне кажется, что эта формулировка верна, тогда как указание на какого-то конкретного человека, вроде меня, не более чем отвлекающий маневр, а возможно и большая ошибка.

Теперь перейдем к более сложному вопросу — интроспекции. Содержится ли ошибка в выводе, что из принципа 'верифицируемый-мной' следует солипсистское утверждение 'все интроспектибилии являются исключительно объектами моего опыта'? Я думаю, содержится. Однако, разумеется, моя цель здесь не доказать, что *существуют* люди, обладающие точно такими же ощущениями, как и я. Достаточно лишь показать, что такое предположение не является бессмысленным.

Начнем с допущения, что высказывание 'Все ощущения, которые я воспринимаю интроспективно, принадлежат мне', является аналитическим. Также аналитическим, или очень на него похожим, будет высказывание 'Все ощущения, которые я могу припомнить, принадлежат мне'. Таким образом, логически невозможно, чтобы я мог быть свидетелем эмоций или мыслей, которые мне не принадлежат.

Что означают выражения 'мое' или 'мной'? Можно поддаться искушению и сказать, что назвать ощущение 'моим' — значит просто назвать его 'интроспективным' или 'запомненным' мной. Это заманчивое объяснение, поскольку тогда можно было бы просто сказать, что утверждение 'Ощущения, которые я интроспективно воспринимаю или которые помню, принадлежат мне' является тавтологией, и *vice versa*. Но оно — неверное. Фрейд показал, что я (каузально) не могу интроспективно воспринимать некоторые из моих ощущений, и я (каузально) не могу помнить все свои сны. Следовательно, 'мое' не может означать 'интроспективно воспринимаемое' или 'вспоминаемое'. Иными словами, высказывание 'То, что я интроспективно воспринимаю или помню, является моими ощущениями', является аналитическим высказыванием о самой интроспекции и памяти, а не о значении притяжательного местоимения 'мое'.

Что же тогда делает некое ощущение 'моим' или частью моей жизненной истории? (Сравните с аналогичным, но более сложным вопросом: 'Что делает действие моим, в том смысле, что именно я за него в ответе?') Какого рода термин скрывается за местоимением 'я' в таких предложениях, как 'Я спал', 'Я помню свой сон', 'Я не могу вспомнить свой сон', 'Я запутался в своих мотивах', 'Я впервые начал воспринимать вещи тридцать шесть лет назад', 'Я раздражен' и т.д.?

Первый момент, который я хочу отметить, заключается в том, что в подобных случаях 'я' не может быть логически собственным именем, то есть демонстративным символом, лишенным каких-либо дескриптивных элементов. Ведь, если я прав в отношении высказываний о возможном, мы не можем сказать: 'Я могу или не могу...'. Точно так же, как не можем сказать: 'Я имею свойство...'. Выше мы видели, что местоимение 'она' (в некоторых не связанных с морской тематикой контекстах⁵) уже под-

разумеает наличие пола, то есть принадлежность к определенным физиологическим и биологическим закономерностям. Тем же образом местоимение 'я' должно уже нести в себе указание на некоторые весьма общие характеристики, так что некоторые предложения вида 'Я не являюсь ф' могут оказаться самопротиворечивыми. Какие же это характеристики? Можно предположить, что в некоторых совершенно обыденных употреблениях высказывания 'Я — человек', 'Я — либо мужчина, либо женщина', 'Я способен мыслить' воспринимаются не просто как очевидные и общеизвестные истины обо мне, но как аналитические. Можно сравнить это с предполагаемым китайским перифразом для личного местоимения 'я', а именно 'личность, которая сейчас говорит', где 'личность' и 'способность говорить' очевидно являются его составными частями⁶.

С некоторой долей сомнения я все же допускаю, что в определенных употреблениях местоимений 'я' и 'личность' высказывание 'Я — личность' является тавтологией. Но что тогда означает выражение 'Личность существует'? Нам нужно хотя бы в общих чертах ответить на этот вопрос, если мы хотим понять смысл утверждения 'Этот сон принадлежал той же личности, что и этот приступ гнева или этот акт памяти'. Разумеется, полного ответа я дать не могу — я его просто не знаю. Однако хочу предложить следующее: понятие 'личность' должно включать в себя некоторые весьма общие каузальные 'силы', специфика большинства которых, вероятно, нам пока неизвестна. Эти силы нельзя просто вывести из того, что некие явления подчиняются некоторому закону. Чтобы проиллюстрировать, что именно я имею в виду, рассмотрим такую аналогию: мы понимаем, что значит сказать 'Вот один кусок веревки, а вот другой, и этот узел принадлежит тому же куску веревки, что и тот узел'. Однако проверить, действительно ли это так, можно только каузальным способом, например, потянуть за веревку и посмотреть развяжется ли узел. Если узел на веревке, за которую мы потянули, развязался, а на другой нет, это убедит нас в том, что узлы находятся на разных веревках. Но если развяжется один узел, когда мы потянули за другую веревку, это еще не доказывает, что оба узла находятся на одной веревке, поскольку обе веревки могут быть просто связаны. Это означает, что есть способ, отличный от простого перерезания волокон веревки, который позволил бы нам добиться того, что, когда мы тянем за одну веревку, на другой узел не развяжется. Но сами понятия связывания и перерезания тоже являются каузальными. Я хочу предложить аналогичный подход для понятия 'принадлежать одной и той же личности'. Однако здесь проверка будет включать не только механические, но и физиологические, биологические и психологические аспекты. Иначе как еще нам установить *подлинную личность человека*? Или же определить, что телом Кристин Бошам не 'владели' разные 'она' в разные годы?⁷

В обсуждаемом нами употреблении понятие 'мое' является (по крайней мере частично) составным каузальным понятием. Именно это обстоятельство делает возможным биографический и автобиографический анализ. (На самом деле, я предполагаю, хоть и не уверен в этом, что не существует некаузального смысла, в котором оба объекта или события могут 'принадлежать' друг другу или какому-то третьему объекту или событию. Ведь 'каузальность' — это обозначение любой

связи между существующими вещами, которая допускает выводы об одном на основании другого. Например, тот факт, что камни не рассеиваются, в отличие от облаков, является общей каузальной характеристикой того, из чего состоят камни, а из чего облака. Точно так же существование личностей, сохраняющихся на протяжении достаточно длительного времени, отчасти аналогично существованию твердых предметов, вроде камней.)

Если нечто подобное верно в отношении личности, становится понятным, почему высказывания вида 'Одна личность не может видеть сны другой личности' или 'Одна личность не может интроспективно воспринимать либо помнить ощущения другой личности' являются аналитическими. Это так же невозможно, как и то, чтобы узел на одной веревке был одновременно частью другой веревки, или чтобы Темза текла по руслу Нила. Но сам факт того, что личность, которой я являюсь, (логически) не может быть личностью, которой я не являюсь, и что я не могу обладать, помнить или интроспективно воспринимать ощущения другой личности, которой я не являюсь, означает, что утверждение 'Существует личность, отличная от меня, которая обладает, помнит или интроспективно воспринимает ощущения, не принадлежащие мне' является осмысленным. Мои ощущения, безусловно, приватны и принадлежат мне. Это — тавтология. Но приватность — это каузальная, а не логическая невозможность, хотя и частично конституирующая само понятие личности. И так как приватность является каузальным понятием, утверждение о том, что есть ощущения, которые мне не принадлежат, должно быть осмысленным. В самом деле, если тавтологией является утверждение о том, что кегли можно сбить шарами для боулинга, будет осмысленным утверждать и то, что существуют некоторые вещи, которые (каузально) нельзя сбить шаром для боулинга.

Что же тогда следует понимать под утверждением 'Кто-то другой видит сны'? Если принять истинность принципа верифицируемости любым возможным проверяющим, оно будет означать: 'Кто-то может проснуться и вспомнить, что видел сон, или интроспективно ощутить состояние сознания, которое (каузально) могло бы быть последствием забытого сна. Таким человеком должен быть тот, кто видел сон. Но я не видел этого сна'.

Разумеется, здесь не идет речь о том, что я имею прямой доступ к этому сну, то есть что я его вижу и помню. Согласно *гипотезе*, я и тот, кто видел этот сон, — разные личности. Каузальная невозможность такого доступа является частью смысла употребления двух различных местоимений в выражении 'ты и я'. Если я хочу верифицировать и удостовериться, что кто-то видел сон, мне остается (и, в сущности, я не мог бы сделать ничего другого) только собирать свидетельства и внешние признаки, которые могут это подтвердить. То же самое касается и битвы при Ватерлоо. Я бы не был тем, кем являюсь, если бы был способен сделать что-то большее. Ведь личность, которой я являюсь, привязана к определенному времени и месту в истории.

Для постижения синтетического высказывания, принимая обобщенный принцип верифицируемости, мне достаточно рассмотреть некоторые общие высказывания о гипотетических наблюдениях, но при этом не навешивая на них личностный ярлык 'мои наблюдения'. Это могло бы повлечь за собой, по меньшей мере, нежелательное экзистенциальное высказывание обо мне как наблюдателе,

а в некоторых случаях 'я', чье существование предполагается подобным высказыванием, может оказываться тем, кто каузально не может удовлетворить условиям быть таким наблюдателем.

Мне кажется, что некоторые философы испытывают затруднение с идеей о том, что предложение может иметь смысл для меня, даже если оно не выражает высказывания, прямо или косвенно относящегося ко мне. Как мне понять выражение 'Кто-то увидит то-то и то-то', не воображая себя этим 'кем-то'?

(a) Конечно, предложения сами по себе ничего не несут, если некому их воспринимать. Они выражают высказывания лишь тогда, когда их кто-то понимает.

(b) Однако, когда мы называем предложения или квази-предложения 'немыслимыми', 'бессмысленными' или 'нелепыми', мы имеем в виду не просто то, что кто-то их не понимает, хотя и мог бы понять, будь он умнее. Мы имеем в виду, что никто не может понять их содержание, поскольку они противоречивы или нарушают правила формальной логики.

(c) Следовательно, вопрос заключается в том, нахожу ли я противоречия или иные логические ошибки в том, о чем говорит предложение. В этом смысле высказывания о гипотетических наблюдениях не становятся бессмысленными оттого, что мы не навешиваем на них личностный ярлык 'мои'.

(d) Но с воображением есть одна психологическая сложность. Когда я представляю себе, что кто-то нечто видит, я фактически мысленно иллюстрирую это образами панорам и сцен, в которых, конечно же, я сам выступаю в роли наблюдателя. Именно поэтому я не могу представить мир после своей смерти: я продолжаю формировать зрительные образы комнат, в которых меня не должно быть, но где я все равно присутствую как зритель. Подобная трудность возникает, когда мы пытаемся представить состояние сознания человека, слепого от рождения. Однако это не имеет отношения к вопросу о том, содержит ли некое предложение противоречие.

Вывод: Нет никакого противоречия в утверждении 'Наблюдатель с такими-то способностями и возможностями мог бы видеть то-то и то-то, но человек в моем положении (логически) не может быть таким наблюдателем'.

Принцип верифицируемости может не иметь никаких указаний на меня.

Однако все еще для нас остается открытым вопрос: какие виды наблюдений логически доступны любому возможному наблюдателю, а какие логически недоступны? Мы до сих пор не до конца понимаем, что означает понятие 'в принципе верифицируемы'.

Примечания переводчика

¹ Данное понятие [verifiability-in-principle] является одним из центральных для раннего логического позитивизма и играло ключевую роль в дискуссиях о принципе верификации. Различные формулировки и обсуждения принципа верификации, служившего ядром исследовательской программы логического позитивизма, можно найти в большинстве трудов его представителей в период 1930-х гг. (например, в работе Карнапа *Logische Syntax der Sprache* [1, s. 247], идеи которой активно обсуждались на заседаниях Венского кружка). Принцип верификации в логическом позитивизме имел двойное назначение: (i) либо применялся как метод элиминации псевдопропозиций, выраженных не поддающимися никакой эмпирической проверке высказываниями, (ii) либо использовался

как метод определения значения высказываний, выражающих подлинные эмпирические пропозиции [2, p. 281; ср. с этим также: 3, p. 421].

² Понятие 'силы' [power] используется Локком в *Опыте о человеческом разумении* в качестве указания на одну из множества наших простых идей. В частности, в главе седьмой Книги II он кратко отмечает: «Сила также одна из тех простых идей, которые мы получаем от ощущения и от рефлексии. Ибо мы приобретаем идею силы следующими двумя путями: мы замечаем по себе, что можем по желанию двигать разными находящимися в покое частями нашего тела; с другой стороны, наши чувства наталкиваются на действия, которые одно природное тело может произвести на другое» [4, с. 180–181]. Тогда как в главе двадцать первой Книги II дает развернутое описание того, что мы должны вкладывать в наше понятие 'силы': «Ум, узнавая каждый день от чувств о перемене в простых идеях, наблюдаемых им во внешних вещах, замечая как одно приходит к концу и перестает быть, а другое, которого прежде не было, начинает существовать, размышляя о том, что происходит в нем самом, наблюдая постоянную смену своих идей, происходящую иногда вследствие воздействия внешних объектов на чувства, иногда на основании его собственного решения, и делая из того, что он таким образом постоянно наблюдал, вывод, что подобные перемены будут происходить и в будущем в тех же самых вещах, от тех же самых действующих сил и теми же самыми способами, признает за одной вещью возможность иметь измененной какую-нибудь из ее простых идей, а за другой — возможность произвести эту перемену и таким путем приходит к идее, которую мы называем силой» [4, с. 284–285]. Полезные обсуждения понятия 'силы' у Локка см. [5; 6; 7, p. 159–176; 8, p. 89–90, 119–121; 9; 10].

³ Речь в данном случае идет о вымышленном литературном персонаже из одноименной фантастической новеллы американского писателя Вашингтона Ирвинга (03.04.1783–28.11.1859). Главный герой новеллы — Рип ван Винкль, будучи жителем деревушки близ Нью-Йорка, проспал 20 лет в Катскильских горах и проснувшись обнаружил, что все знакомые ему люди умерли, а жизнь вокруг радикальным образом изменилась.

⁴ Здесь следует принимать во внимание тот факт, что в Англии долгое время существовал официальный запрет для женщин занимать любые руководящие должности в школах. Ситуация стала меняться только в послевоенные годы, в частности, после принятия Парламентом *The Education Act* (1944 г.). Женщины же директора школ стали появляться только в 1950-х гг.; одной из первых была Мэри Грин (27.07.1913–19.04.2004), возглавившая в 1954 г. школу Кидбрук.

⁵ В английском языке корабли традиционно обозначаются женскими местоимениями ('she', 'her', 'hers'). Такая практика обусловлена сложным сочетанием исторических, культурных и лингвистических факторов.

⁶ Китайский иероглиф '我' [wǒ], обозначающий местоимение первого лица единственного числа 'я', действительно состоит из двух обладающих собственным значением пиктограмм: '亻' (человек) и '戈' (древковое оружие, алебарда, копье).

⁷ Кристин 'Салли' Бошам — медицинский псевдоним женщины, которая находилась под наблюдением американского невролога Мортона Принса в период между 1898 и 1904 гг. Настоящее имя этой женщины — Клара Нортон Фаулер. Она была одним из первых пациентов, которому врачи официально диагностировали диссоциативное расстройство личности.

Список источников / References

1. Carnap R. *Logische Syntax der Sprache*. Wien: Springer, 1934. xii + 274 s.
2. Braithwaite R. B. *Two Ways of Definition by Verification*. Erkenntnis. 1937. Vol. 7, no. 1. DOI: 10.1007/BF00666537.

3. Carnap R. Testability and Meaning. *Philosophy of Science*. 1936. Vol. 3, no. 4. P. 419–471. DOI: 10.1086/286432.

4. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / пер. с англ. А. Н. Савина // Сочинения. В 3 т. Москва: Мысль, 1985. Т. 1. С. 77–595.

Locke J. Opyt o chelovecheskom razumenii [An Essay Concerning Human Understanding] / trans. from Engl. A. N. Savina. Works in 3 vols. Moscow, 1985. Vol. 1. P. 77–595. (In Russ.).

5. Ayers M. R. The Ideas of Power and Substance in Locke's Philosophy. *The Philosophical Quarterly*. 1975. Vol. 25, no. 98. P. 1–27. DOI: 10.2307/2217949.

6. Rockwood N. Secondary Qualities as Dispositions. *Locke Studies*. 2020. Vol. 20. P. 1–16. DOI: 10.5206/lis.2020.10799.

7. Ott W. Causation and Laws of Nature in Early Modern Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2009. 260 p.

8. Stuart M. Locke's Metaphysics. Oxford: Clarendon Press, 2013. 522 p.

9. Ott W. Locke and the Real Problem of Causation. *Locke Studies*. 2015. Vol. 15. P. 53–77. DOI: 10.5206/lis.2015.678.

10. Jolley S. N. Locke and the Notion of Power. *Studi Lockiani. Ricerche Sull'eta Moderna*. 2021. Vol. 2. P. 137–154. DOI: 10.4454/sl.2-314.

Сведения о переводчике

ОГЛЕЗНЕВ Виталий Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск; ведущий научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

SPIN-код: 3701-0936

AuthorID (РИНЦ): 539601

ORCID: 0000-0003-0287-6543

AuthorID (SCOPUS): 56307954100

ResearcherID: X-2616-2019

Адрес для переписки: ogleznev82@mail.ru

Источник перевода: Ryle G. Unverifiability-by-Me // *Analysis*. 1936. Vol. 4, № 1. P. 1–11. DOI: 10.1093/analys/4.1.1.

Ссылка на полный текст статьи:

<https://academic.oup.com/analysis/article-abstract/4/1/1/157717>

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 18.07.2025; принята к публикации 21.07.2025.

OGLEZNEV Vitaly Vasilyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the History of Philosophy and Logic Department, Tomsk State University, Tomsk; Leading Researcher, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai.

SPIN-code: 3701-0936

AuthorID (RSCI): 539601

ORCID: 0000-0003-0287-6543

AuthorID (SCOPUS): 56307954100

ResearcherID: X-2616-2019

Correspondence address: ogleznev82@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 18.07.2025; accepted for publication 21.07.2025.